

Академик В. В. Струве

ВОССТАНИЕ САВМАКА

Декрет в честь Диофанта, полководца царя Понта Митрадата Евпатора, является замечательным источником для истории Крыма в конце II в. до н. э. Среди событий, увековеченных надписью, мы находим упоминание о восстании скифов на Боспоре Киммерийском при Перисаде V, последнем из представителей династии Спартокидов. Описание этого события следует в декрете за сильно разрушенным повествованием о походе Диофанта на укрепленные селения скифов Хаваи и Неаполь, к востоку от Херсонеса.

Строки 32—36 декрета в честь Диофанта, посвященные восстанию скифов на Боспоре, до 1933 г. обычно переводили следующим образом: «Отправившись в Боспорские местности, он (т. е. Диофант) устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митрадата Евпатора; когда же скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили воспитавшего его (т. е. Савмака) боспорского царя Перисада, а против Диофанта составили заговор, он (т. е. Диофант), избежав опасности, сел на отправленный за ним гражданами (Херсонеса) корабль» и т. д.¹ Новый перевод был дан в 1933 г. в замечательном исследовании С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» (ИГАИМК, вып. 70). До С. А. Жебелева все историки, изучавшие декрет в честь Диофанта, понимали и переводили причастие действительного залога аориста *ἐκτρέψαντα* как «воспитавшего»². Поэтому все исследовавшие надпись до 1933 г. видели в Савмаке воспитанника, приемного сына царя Перисада, происшедшего из числа представителей скифской знати или династии Спартокидов. Таким образом, относительно классового происхождения Савмака, как писал С. А. Жебелев, среди ученых было «полное единомыслие, с незначительными лишь оттенками» (ук. соч., стр. 26).

Подходя к изучению этих событий с позиций исторического материализма, С. А. Жебелев в результате углубленного изучения надписи дал новый перевод указанного текста, коренным образом изменивший его понимание. Эта работа была подлинным открытием. С. А. Жебелев совершенно бесспорно установил, что перевод слова *ἐκτρέψαντα* как «воспитавшего» неточен, «так как *ἐκτρέφειν* дословно значит «вскармливать», «выкармливать» (ук. соч., стр. 37). Это свое положение С. А. Жебелев аргу-

¹ «Древний мир на юге России». Изборник источников. Под ред. проф. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского, М., 1918, стр. 68.

² Историография работ, посвященных декрету в честь Диофанта, приведена у С. А. Жебелева, ук. соч., стр. 26—27.

ментировал ссылкой на свидетельство платоновского диалога «Критон» (стр. 51 С). В этом диалоге олицетворенные законы обращаются к Сократу: «мы, тебя родившие (γενήσαντες), вскормившие (ἐκτρέψαντες), воспитавшие (παίδευσαντες), наделившие всевозможными благами» и т. д. Из этих слов диалога Платона С. А. Жебелев действительно мог сделать неоспоримый вывод, что глаголы ἐκτρέφειν и παίδευσειν четко отличались друг от друга. Противопоставление этих двух глаголов мы находим и в других произведениях Платона, так, например, в его «Государстве» (III, 21, 414 Д, или IV, 3, 424 А). Путем привлечения ряда примеров С. А. Жебелев установил, что с глаголом ἐκτρέφειν «связано представление о физиологическом акте воспитания, точнее выкармливания новорожденного, и в таком смысле глагол этот употребляется безразлично в отношении и людей, и животных, и растений» (ук. соч., стр. 27).

В своем исследовании 1933 г. С. А. Жебелев не мог еще подкрепить документальным свидетельством постулированное им сопоставление, а тем самым и связь глагола ἐκτρέφειν с термином δρεπτός, который обозначает раба, родившегося и выросшего в доме своего господина, и соответствует лат. *verna*. Сопоставление ἐκτρέφειν и δρεπτός было документировано в 1938 г., когда работа С. А. Жебелева, опубликованная в 1933 г. очень ограниченным тиражом, была вновь напечатана в ВДИ с некоторыми изменениями и дополнениями. В приведенной здесь надписи из селения Давлия в Фокиде, содержащей манумиссию II в. до н. э., засвидетельствовано сопоставление глагола ἐκτρέφειν и термина δρεπτός (ВДИ, 1938, № 3, стр. 64). Данное сопоставление окончательно укрепило С. А. Жебелева в мысли, что глагол ἐκτρέφειν в декрете в честь Диофанта был применен в специальном значении вскармливания раба (там же, стр. 65). В результате данного истолкования ἐκτρέψαντα 34-й строки названной надписи акад. Жебелев увидел в восстании Савмака переворот, который произвел не царевич, а раб, опиравшийся при этом на своих товарищей рабов. Говоря словами С. А. Жебелева, переворот «возник в результате давным-давно таившейся вражды между классом господ и классом рабов. Эта классовая вражда вылилась в конце концов в открытую классовую борьбу в виде восстания скифских рабов в европейской части Боспорского государства» (там же, стр. 63).

Свое определение восстания скифов, возглавленного Савмаком, как восстания рабов, С. А. Жебелев подкрепил в исследовании 1936 г., максимально подчеркнув здесь связь восстания Савмака с передачей Перисадом V своего царства Митрадату Евпатору. Тем самым устанавливалась близость движения, руководимого Савмаком, с восстанием рабов и бедноты, поднятого в Пергамском царстве Аристиком¹. Последний, как известно, будучи побочным сыном пергамского царя Евмена II, выступил, как претендент на царский престол после смерти своего брата Аттала III, завещавшего свое государство Риму. Основной силой Аристикона были восставшие массы рабов и бедняков.

Интерпретация движения Савмака, предложенная С. А. Жебелевым, была принята громадным большинством советских историков. Так, в 1940 г. в статье Д. П. Каллистова, посвященной роли С. А. Жебелева в исследовании Северного Причерноморья античного времени, дана следующая оценка работы о восстании Савмака: «Исследовательская нить в ней начинается с разбора херсонесской надписи в честь Диофанта. Отдельные выражения и слова, например такие слова, как ἐκτρέφειν, νεωτερίζειν, подвергаются в ней внимательнейшему филологическому

¹ S. J e b e l e v, L'abdication de Pairisades et la révolution scythe dans le royaume du Bosphore, REG, XLIX (1936), стр. 17 сл.

и смысловому анализу. В результате эта древняя и, как казалось, вполне изученная надпись выступает перед нами в совершенно новом свете. На основании ее содержания Сергею Александровичу удалось установить до сих пор неизвестный факт очень большого исторического значения. Теперь, после опубликования «Последнего Перисада», никто уже не может сомневаться в том, что на Боспоре в конце II в. до н. э. произошло восстание скифских рабов, потрясшее основы этого государства» (ВДИ, 1940, № 1, стр. 171). В статье «Значение работы С. А. Жебелева «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» для истории нашей страны» акад. Б. Д. Греков писал: «С. А. Жебелев своим исследованием раскрыл, как подготовлялось это наступление варваров с их общинным строем на рабовладельческие общества европейского и ближнеазиатского Востока задолго до появления славян. Он подчеркнул первостепенную важность изучения варварского мира южнорусских степей, несших в себе молодые и животворящие силы на смену зашедшей в тупик рабовладельческой цивилизации» (ВДИ, 1940, № 1, стр. 176).

Выводы С. А. Жебелева были приняты и в наших учебниках¹, а также и в БСЭ². Однако исследование С. А. Жебелева подверглось и некоторой критике. В рецензии на исследование С. А. Жебелева проф. А. С. Коцевалов высказывает сомнения в закономерности сопоставления глагола *ἐκτρέφειν* и термина *θρεπτός*. Затем он отмечает, что *ἐκτρέψαντα* 34-й строки декрета в честь Диофанта является причастием аориста действительного залога, а не медиального. Согласно же наблюдениям проф. Коцевалова вскармливание домашнего раба выражалось только медиальной формой глагола *ἐκτρέφειν*. В заключении рецензии взамен предложенного Сергеем Александровичем толкования событий на Боспоре была дана весьма сложная «рабочая гипотеза»³.

На рецензию проф. Коцевалова акад. Жебелев ответил еще сам в 1938 г. в заключительном примечании ко второму изданию своей работы «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре». По поводу «рабочей гипотезы» рецензента С. А. Жебелев замечает: «не завидую пылкой фантазии автора этой «рабочей гипотезы». Возражая проф. Коцевалову по вопросу о возможности сопоставления *ἐκτρέφειν* и *θρεπτός*, С. А. Жебелев ссылается на свидетельство приведенной им далийской манумиссии, где имеется налицо бесспорное сопоставление двух указанных слов (ВДИ, 1938, № 3, стр. 71, прим. 1). Правда, С. А. Жебелев совсем не останавливается на трудности, обусловленной активной формой причастия *ἐκτρέψαντα*, но я ниже попытаюсь выявить причину подобного пренебрежения со стороны С. А. Жебелева к данному аргументу проф. Коцевалова.

С критикой полужений С. А. Жебелева выступил и Ростовцев. Он соглашался с предложением С. А. Жебелева о сходстве условий восстания Савмака на Боспоре и восстания Аристоника в Пергаме, но тем не менее сомневался в возможности сделать из термина *ἐκτρέψαντα* вывод о рабском положении Савмака. Он полагал, что если бы Савмак действительно был рабом, то декрет в честь Диофанта отметил бы это более ясно.

¹ «История СССР», 2 изд., 1947, стр. 22. «О восстании скифов-рабов во главе с рабом боспорского царя Савмаком» говорит и учебник по истории СССР под ред. А. М. Панкратовой, 8-е изд., М., 1948, стр. 19.

² В статье «Савмак» последний характеризуется как «руководитель восстания скифских рабов в Пантиканее (Керчь) — центре Боспорского царства в 107 г. до н. э.» (БСЭ, т. 50, 1944, ст. 92).

³ «Наукові записки Інституту історії матеріальної культури», I (1937), стр. 109—114.

Ростовцев был склонен видеть в Савмаке скорее одного из скифских заложников¹.

Третьим критиком концепции С. А. Жебелева выступил проф. С. Я. Лурье. Он прочитал свой доклад 23 сентября 1948 г. в Симферополе на сессии, посвященной истории Крыма. Поскольку доклад С. Я. Лурье не был напечатан, то я вынужден цитировать его содержание по изложению, которое дал В. Ф. Гайдукевич в своем труде «Боспорское царство. «Исходя из грамматического анализа известной части текста диофантовской надписи, С. Я. Лурье доказывает, что предшествующие исследователи, занимавшиеся херсонесским декретом в честь Диофанта, читали этот эпиграфический памятник неверно. Согласно С. Я. Лурье, выражение ἐκτρέψαντα αὐτόν относится вовсе не к Савмаку, а к Диофанту. Таким образом, по мнению С. Я. Лурье, интересующее нас место в декрете надо читать так: «Когда скифы, во главе с Савмаком, произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, воспитавшего его (т. е. Диофанта)...»² Стремясь наиболее точно и полно отразить содержание неопубликованного доклада С. Я. Лурье, я решаюсь привести краткое изложение его выступления, опубликованное в отчете вышеупомянутой симферопольской сессии, напечатанном в журнале «Вопросы истории»: «Проф. С. Я. Лурье прочитал доклад о древнегреческой надписи, известной под названием «Декрет в честь Диофанта». Стремясь истолковать эту надпись, как сказал докладчик, без априорных суждений, на основании только грамматических и стилистических соображений, С. Я. Лурье выдвинул новую точку зрения на восстание Савмака. Он считает, что Савмак был скорее всего скифским царьком, присоединившим к своим владениям Боспор. О борьбе с Савмаком в декрете говорится лишь как об одном из эпизодов большой войны Диофанта со скифами; воспитанником царя Перисада был не Савмак, а Диофант. Выступление Савмака против Митридата было, по всей видимости, не восстанием рабов, каковые вообще характерны для II—I вв. до н. э., а одним из звеньев «варварского» наступления на рабовладельческий мир — наступления, которому в конечном счете предстояло сыграть решающую роль в сокрушении этого мира» (ВИ, 1948, № 12, стр. 183).

Ознакомившись с изложением доклада С. Я. Лурье на симферопольской сессии, нельзя не согласиться с мнением В. Ф. Га й д у к е в и ч а, что «наиболее решительно против концепции С. А. Жебелева выступил... проф. С. Я. Лурье» (ук. соч., стр. 536). Правда, приведенное выше положение С. Я. Лурье, взятое само по себе, вне общего контекста доклада, не противоречит точке зрения С. А. Жебелева, что движение, возглавленное Савмаком, являлось восстанием скифских рабов. Однако из общего контекста доклада С. Я. Лурье видна абсолютная непримиримость его точки зрения с концепцией С. А. Жебелева: на основании грамматического и стилистического анализа С. Я. Лурье относит выражение 34-й строки декрета ἐκτρέψαντα αὐτόν «вскормившего его» не к Савмаку, а к Диофанту, полководцу понтийского царя Митрадата Евпатора. Стало быть, согласно филологической интерпретации С. Я. Лурье, вскормленным Перисада оказывался не Савмак, а Диофант, который, будучи полководцем Митрадата Евпатора, не мог быть, конечно, в момент восстания рабом Перисада. Допуская возможность подобной филологической аргументации проф. С. Я. Лурье, я вместе с тем должен подчеркнуть, что его вывод едва ли приемлем с исторической точки

¹ М. И. Ростовцев, The social and economic history of the hellenistic world, III, 1941, стр. 1512.

² В. Ф. Га й д у к е в и ч, Боспорское царство, АН СССР, 1949, стр. 536.

ление αὐτ[ούς] из возможного в максимально вероятное. Прекрасная фотография правого верхнего угла надписи¹ и проверка данных ее на самом оригинале² создали те условия, благодаря которым я смог установить максимально вероятное чтение конца 34-й строки декрета. На данной фотографии (см. рис. 1) видно, что после полуразрушенного омикрона следует полустертая буква, распознавание которой осложняется ущербле-

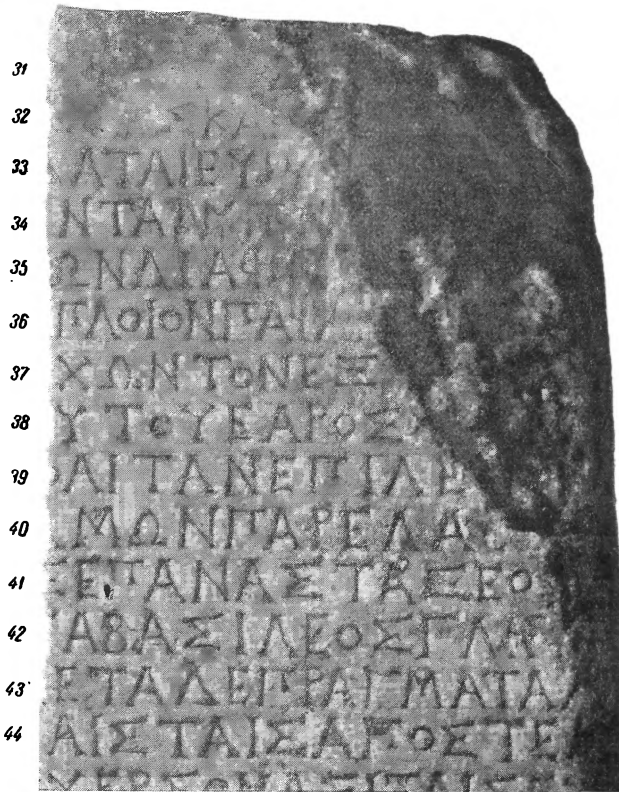

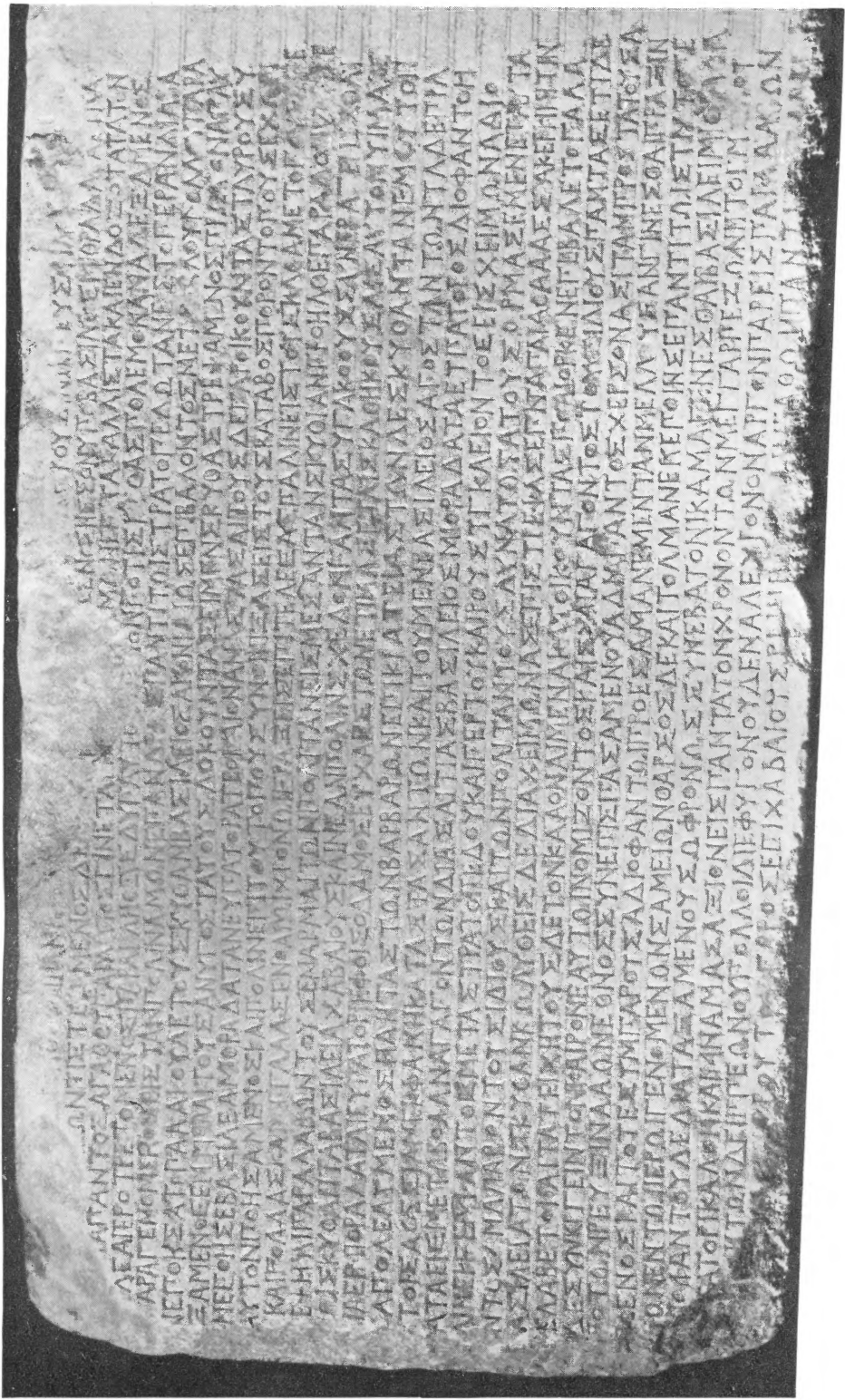
Рис. 1. Херсонесский декрет в честь Диофанта. Правый верхний угол

нием камня в виде несколько изогнутой линии, непосредственно примыкавшей к разрушенной правой стороне буквы о. Очевидно, именно это повреждение камня и было принято в 1885 г. В. В. Латышевым за левую вертикаль буквы υ, и, таким образом, следующая за повреждением полустертая буква была им прочитана тогда как υ.

Это чтение при более внимательном изучении конца 34-й строки надписи полностью отпадает ввиду следующих соображений: 1) столь большое сближение двух следующих друг за другом букв не встречается нигде в на-

¹ Проф. М. И. Максимова посоветовала мне прибегнуть к помощи фотографии, сделавшей за последние десятилетия громадные успехи. Благодаря любезности директора Гос. Эрмитажа акад. И. А. Орбели и его заместителя проф. Б. Б. Пиотровского и благодаря искусству зав. фотолабораторией Гос. Эрмитажа А. П. Булгакова я получил прекрасные фотографии декрета в честь Диофанта.

² Приношу благодарность зав. отделом античного искусства и культуры Гос. Эрмитажа А. А. Передольской за возможность изучения самого эпиграфического памятника.

5

10

15

20

25

5

10

15

20

25

Рис. 2. Херсонесский декрет в честь Диофанта. Страницы 1—30

31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58

Рис. 3. Херсонесский декрет в честь Диофанта. Строки 31—58

стоящей надписи, тем более что в подобном сближении не было нужды, поскольку здесь имеется достаточно свободного пространства для помещения тех трех букв, которых требует восстановление В. В. Латышевым конца 34-й строки надписи; 2) диагональная линия буквы υ соединяет верхний конец левой вертикали с нижним концом правой вертикали, а не с серединой последней; 3) правая вертикаль υ представляет собой прямую, а не загнутую направо линию.

Отвергая, таким образом, безоговорочно чтение υ для полустертой буквы конца 34-й строки декрета, я остановился, в результате изучения фотографии и слепка с надписи¹, а также и самой надписи, в конце концов на чтении υ . Тем самым я пришел к тому чтению, реальность которого я уже предположил, опираясь на те два издания надписи, которые были опубликованы В. В. Латышевым. Правда, чтение полустертой буквы конца 34-й строки декрета в качестве υ может вызвать некоторое сомнение, поскольку во многих случаях написание υ отличается до известной степени от общего облика интересующей нас поврежденной буквы. Но путем более детального изучения написания υ в пределах документа, взятого в его целом объеме, можно устранить указанное сомнение. Действительно, в ряде случаев мы находим написание υ , близкое общему облику полустертой буквы конца 34-й строки. Мы встречаем подобное написание во 2-й строке, во второй ее половине, в 4-й строке, в первой ее половине, в конце 7-й строки, в 8-й строке, в первой ее половине, в начале 10-й строки, в конце 11-й строки, в конце 14-й строки, в начале 15-й строки, в середине 19-й строки, в конце 27-й строки, в начале 32-й строки, в середине 35-й строки, в конце 35-й строки², в середине 37-й строки, в начале 46-й строки и, наконец, в строке 57, во второй ее половине (см. рис. 2).

Я поэтому на основании всего вышесказанного восстанавливаю с максимальной вероятностью конец строки 34-й: $\xi\chi\theta\rho\epsilon\psi\alpha\nu\tau\alpha \alpha\upsilon\tau[\omicron\upsilon\varsigma \beta\alpha]$ (см. рис. 2) «вскормившего и [х (т. е. скифов, возглавленных Савмаком) ца]ря Боспора Перисада» и т. д. Если я смог исправить чтение столь талантливому и опытному эпиграфиста, каковым был акад. В. В. Латышев, то это было обусловлено исключительно тем, что я, как советский ученый, поставлен в более благоприятные условия работы, нежели этот крупный русский ученый дореволюционной эпохи. Наша передовая техника, а также интерес руководства Гос. Эрмитажа к научно-исследовательской работе³ создали необходимые предпосылки для плодотворного изучения этого важнейшего эпиграфического памятника. Путь же к правильному решению задачи указало ценнейшее наблюдение советского историка С. А. Жебелева, который сделал его, будучи вооруженным теорией марксизма-ленинизма. Он первый из работавших над декретом Диофанта указал, как мы выше видели, что глагол $\xi\chi\theta\rho\epsilon\psi\epsilon\iota\upsilon$ надо понимать не как «воспитывать», а как «вскармливать», «выкармливать». При старом понимании $\xi\chi\theta\rho\epsilon\psi\alpha\nu\tau\alpha$, общепринятом в буржуазной историографии, восстановление $\alpha\upsilon\tau[\omicron\upsilon\varsigma]$ («его») было, конечно, единственно возможным восстановлением следующего полуразрушенного слова $\alpha\upsilon\tau\dots$: нельзя же было себе представить, что последний Перисад «воспитал» целую толпу каких-то скифов. Самым естественным в данном случае являлось, конечно, предположение, что Перисад был воспитателем одного какого-либо лица, будь это Савмак, как предполагало большинство исследователей, будь это сам Диофант,

¹ Представлением прекрасного слепка с надписи я обязан исключительной любезности зам. директора Гос. Эрмитажа проф. Б. Б. Пиотровского.

² Полуразрушенный υ здесь своими контурами совпадает с контурами полустертой буквы конца 34-й строки. Ср. также полуразрушенный υ в начале 36-й строки.

³ Как мне сообщила проф. М. И. Максимова, декрет в честь Диофанта был выставлен ранее в полутемном зале.

как предположил С. Я. Лурье. После же истолкования С. А. Жебелевым глагола ἐκτρέφειν как «вскармливать» становилось вполне возможным и допустимым восстановление ἀὐτ[οῦς] — «их», поскольку царь Боспора Перисад мог, конечно, вскормить любое количество рабов¹, а не только одного. Вместе с тем надлежит признать, что новое чтение конца 34-й строки декрета в честь Диофанта весьма существенно подкрепляет тезис С. А. Жебелева о восстании скифских рабов на Боспоре в последнее десятилетие II в. до н. э. Правда, против истолкования ἐκτρέφαινα как «вскормившего» (рабов) имеются, как мы выше видели, возражения проф. А. С. Коцевалова. Он указывал на то, что ἐκτρέφαινα является причастием активной формы, аориста глагола ἐκτρέφειν, а отнюдь не причастием медиальной формы, которая требовалась бы для выражения «вскармливания» раба. Действительно, в трех известных и С. А. Жебелеву и А. С. Коцевалову случаях, когда ἐκτρέφειν «вскармливание» производилось в интересах того лица, которое вскармливало раба или рабов, медиальная форма глагола ἐκτρέφειν заменяла его активную форму. Первый пример мы находим у Демосфена, LIII, 19. Здесь рабовладелец ἐξετρέφαιτο «вскормил для себя» раба с малых лет. Второй и третий примеры засвидетельствованы в двух манумиссиях. В обоих текстах, посвящавшие божеству рабов, заявляли, что они последних ἐξετρέφαιτο «вскормили для себя»².

С. А. Жебелев был хорошо знаком с рецензией проф. Коцевалова, но на данный аргумент он тем не менее не обратил внимания, хотя и ответил на другие аргументы своего рецензента (ВДИ, 1938, № 3, стр. 71, прим. 1). Я полагаю, что можно выяснить те основания, в силу которых С. А. Жебелев счел для себя возможным не обратить внимания на данный довод проф. Коцевалова; дело в том, что с глаголом ἐκτρέφειν связано, как указывает С. А. Жебелев, представление о физиологическом акте воспитания, точнее выкармливания, ребенка (ИГАИМК, вып. 70, стр. 27). Акад. Жебелев и приводит два текста, свидетельствующие о применении глагола ἐκτρέφειν к деятельности кормилицы. В одном из них кормилица говорит о выкармливании ею ребенка-свободного³, а во втором — о выкармливании ребенка-раба⁴. В обоих случаях кормилица, говоря о своей деятельности, пользуется глаголом ἐκτρέφειν в его активной форме. Но глагол ἐκτρέφειν «выкармливать» мог быть поставлен и применительно к самой матери в активной, а не медиальной форме. Так, К с е н о ф о н т (Memorab., I, 4, 7) говорит и в таком случае о стремлении «вскармливать», а не «вскармливать для себя»⁵. Могла быть, конечно, использована в подобном контексте и медиальная форма глагола ἐκτρέφειν, как, например, Е в р и п и д о м, Медея, 1349: «детей, которых я родила и выкармила для себя». Мы имеем примеры применения как активной, так и медиальной формы глагола ἐκτρέφειν «выкармливание» (детей родителями) в одном и том же памятнике⁶.

¹ Вспомним, что в вышеупомянутой давийской манумиссии частная семья «вскормила» семь рабов.

² Одна из манумиссий, опубликованная в «Samml. d. Griechischen Dialekt-Inschriften», II, 4, № 1942, была привлечена проф. Коцеваловым в его рецензии на работу С. А. Жебелева 1933 г. (ук. соч., стр. 112). Вторая — это та давийская надпись, которую привлек, как мы выше видели, С. А. Жебелев (ВДИ, 1938, № 3, стр. 64).

³ Э с х и л, Хоэфоры, 750: «я вскормила» (слова няни Ореста).

⁴ «Rylands Papyri», Manchester, II, 1915, 178, 14. Договор с кормилицей, в котором она заявляет: «я беру на себя обязательство и выкармлю раба-ребенка в течение двух лет».

⁵ С р. П л а т о н, Пир, стр. 207 В: «вскармливать [рожденное]», и в других его сочинениях.

⁶ П л а т о н, Законы, IX, 929 А (медиальная форма) и XII, 958 С (активная форма).

Глагол ἐκτρέφειν мог иметь и несколько более широкое значение, а именно «взрачивания» (родителями детей), но и в таком случае могла применяться активная форма глагола. Так, например, Плутарх говорит, что Корнелия, мать обоих Гракхов, их «взрастила» (ἐξέθρεψεν)¹, хотя, будучи их матерью, она их, строго говоря, «взрастила для себя». С другой стороны, у Софокла в «Электре» (13) Талфибий, старый слуга Агамемнона, говорит о себе, что он «вырастил для себя [Ореста]», хотя он, не будучи отцом, мог сказать лишь, что «он вырастил [Ореста]».

Точно так же и тот глагол, производным от которого является ἐκτρέφειν, а именно τρέφειν, обозначающий «кормление» рабов, скота, собак и т. д.², мог применяться в своей активной форме, хотя и кормление раба производилось в интересах того лица, которое давало средства на кормление. В данном случае является весьма доказательным пример употребления глагола τρέφειν у Ксенофонта (Memorab., 2, 7, 3). Здесь речь идет о некоем лице, которое «кормит рабов», хотя по контексту видно, что оно их «кормит для себя», так как оно использует их в качестве ремесленников в своей мастерской. Очевидно, ввиду подобных примеров употребления глаголов ἐκτρέφειν и τρέφειν С. А. Жебелев и не счел нужным в своем ответе на рецензию проф. Коцевалова коснуться того аргумента последнего, который опирается на применение в 34-й строке надписи активной, а не медиальной формы глагола ἐκτρέφειν. С. А. Жебелев считал себя тем более вправе не касаться данного аргумента, что медиальная форма глагола ἐκτρέφειν в указанных выше трех текстах, упоминавших о вскармлении рабов частными лицами, была обусловлена общим характером этих текстов, а не тем обстоятельством, что глагол ἐκτρέφειν выражал здесь «вскармливание» домашних рабов. Действительно, уже в первом примере, взятом из Демосфена (LIII, 19), медиальная форма ἐξέθρεψατο теряет свое значение для аргументации проф. Коцевалова, если мы примем во внимание, что у Демосфена медиальная форма этого глагола означает не только «вскармливать для себя», но и просто «вскармливать»³. Что же касается двух вышеприведенных манумиссий, то медиальная форма ἐξέθρεψατο была обусловлена юридическим характером этих документов. Последние должны были со всей решительностью подчеркнуть, что жертвователи посвящали богам своих собственных рабов, которых они «вскармливали» или «взрастили для себя». Жертвователи ведь могли «взрачивать» чужих рабов, обучая их «науке о рабстве», как об этом сообщает Аристотель (Polit., I, 2, 22).

В результате всех этих соображений и наблюдений, я полагаю, С. А. Жебелев не счел нужным полемизировать с А. С. Коцеваловым по вопросу о значении активной формы причастия ἐκθρέψατα 34-й строки декрета. Акад. Жебелев также не счел нужным опровергнуть утверждение своего рецензента, что термин θρεπτός, производное слово от глагола τρέφειν — «кормить», обозначал сам по себе любого «вскармливаемого», а не только доморожденного раба⁴. Очевидно, С. А. Жебелев счел возможным для себя не обратить внимания и на этот довод проф. Коцевалова ввиду того, что он мог привести сколько угодно примеров, доказывающих, что «θρεπτός, θρεπτή — terminus technicus; он соответствует лат. verna и обозначает раба, родившегося и выросшего в доме своего господина,

¹ Аристофан (Лягушки, 1433) использует активную форму глагола ἐκτρέφειν, хотя речь идет о «взрачивании [льва] для себя».

² Liddell a. Scott, Greek-English Lexicon, 8 изд., 1929, s. v.

³ См. Fr. Passow, Handwörterbuch der griechischen Sprache, 1841, s. v.

⁴ А. С. Коцевалов (ук. соч., стр. 112). По существу присоединяется к этому аргументу А. С. Коцевалова и Ростовец в The social and economic history of the hellinistic world, III, стр. 1512, подчеркивая многообразие значений термина.

доморощенного раба» (ИГАИМК, вып. 70, стр. 28). Вместе с тем надлежит отметить, что *τρέφεις*, отглагольное имя прилагательное от *τρέφειν* — «кормить», вполне закономерно получило столь специфическое значение. Дело в том, что, согласно законам рабовладельческой эпохи, человек, которого вскармливали, попадал в зависимое положение по отношению к тому лицу, которое его вскармливало. Поэтому дети в рабовладельческом обществе Рима пребывали до своего совершеннолетия на положении рабов. Зависимыми становились и те взрослые свободные люди, которые находили «кормление» в доме какого-либо родственника или постороннего им человека. Так, в зависимость от своего «кормильца» — знатного афинянина Аристарха попали и его родственники, которые вследствие смут в Аттике собрались в его доме. По совету Сократа (К с е н о ф. Мемораб., II, гл. 7) Аристарх заставил их работать так, как трудились рабы, и Сократ мог сравнить Аристарха с овчаркой, которая, будучи охранителем овец, является также и надзирателем. О «сладости» жизни у своего «кормильца» Медока, царя фракийцев, рассказывал К с е н о ф о н т у (Анаб., VII, 2) фракийский царевич Севт: «...я, как сирота, был вскормлен у теперешнего царя Медока; когда я сделался юношей, то мне стало невыносимо так жить, чтобы я взоры мои обращал на чужой стол, и я сидел за столом его и просил его дать мне столько людей, чтобы я мог отомстить тем, которые нас изгнали, и я мог бы жить, не обращая взор мой, подобно собаке, на его стол». Если «собачьей» была жизнь даже «вскармливаемого» царевича, то можно себе представить, каковой была жизнь рядового свободного человека, который из-за бедности кормился за счет посторонних людей. В Малой Азии еще во второй половине II тысячелетия до н. э., согласно хеттскому судебнику, свободный человек, вскормленный кем-либо во время голода, мог уйти из хозяйства данного лица лишь при условии предоставления вместо себя другого человека, т. е. раба. Поэтому является вполне естественной та семантика, которую приобрело в греческом рабовладельческом обществе слово *τρέφεις*, означавшее первоначально «вскормленника» вообще, но получившее в конце концов специфическое значение «раба, вскормленного в доме»¹.

Таким образом, в результате всех вышеприведенных данных я прихожу вместе с А. С. Жебелевым к выводу, что глагол *ἐκτρέφειν* в строке 34-й декрета в честь Диофанта употреблен в специальном значении и был применен по отношению к скифам, возглавленным Савмаком, потому что они были рабами. Действительно, если можно было себе представить, что царь Боспора Перисад вскормил одного или двух знатных скифских юношей, подобно тому, как фракийский царь Медок вскормил царевича Севта, то при новом чтении становится весьма невероятным предположение, чтобы Перисад вскормил целую толпу знатных скифов. Следует принять во внимание, что скифы, возглавленные Савмаком, были настолько многочисленны, что могли покушаться на жизнь победоносного полководца понтийского царя Митрадата Евпатора Диофанта, хотя последнего, несомненно, сопровождал небольшой, но отборный отряд телохранителей. Со своими телохранителями он прибыл в Пантикапей на корабле, так как он, конечно, отправился на Боспор и в первый и во второй раз морским путем. Восставшие скифы не побоялись телохранителей Диофанта и лишили его того корабля, на котором он прибыл к Перисаду: дело в том, что, согласно декрету в честь Диофанта, он, спасшись от заговора скифов, возглавленных Савмаком, «сел на отправленный за ним гражданами (Херсонеса) корабль» (стк. 35—36). Стало быть, корабль, который доставил его в Пантикапей, был захвачен восставшими скифами. Это сви-

¹ Liddell a. Scott, A Greek-English Lexicon, стр. 805 b., s. v.

детельствует, бесспорно, и о планомерности действий восставших, но также и о их значительном числе. Возможно, правда, предположить вместе с С. А. Жебелевым, что «флот примкнул к повстанцам» (ИГАИМК, вып. 70, стр. 29). В таком случае, вероятно, к скифам, возглавленным Савмаком; примкнули гребцы. И это обстоятельство говорило бы также за рабское положение повстанцев. Предположение же, что восставшие скифы были вскормлены Перисадам в качестве заложников, является весьма невероятным¹. Этому предположению определенно противоречит характеристика восставших против Перисада скифов: τῶν περὶ Σαύμακον Σχιθῶν, т. е. «скифы, окружающие Савмака» или «возглавленные Савмаком скифы». Едва ли заложники из среды знати различных соседних Боспору скифских племен могли бы образовать какую-то группу, возглавленную кем-нибудь из своей среды. Такая характеристика более подходит к отряду рабов, который, конечно, мог иметь во главе своей надзирателя, назначенного из числа его представителей.

За то, что восставшие скифы принадлежали к низам, а не к верхам скифского общества, говорит, по моему мнению, и то обстоятельство, что основными очагами восстания были Пантикапей и Феодосия. По крайней мере декрет в честь Диофанта сообщает, что последний ликвидировал восстание Савмака тем, что «он взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство Митрадата и (таким образом) восстановил власть царя Митрадата Евпатора» (стк. 40—44). Из факта, что Феодосия и Пантикапей были, очевидно, самыми крупными очагами восстания, возглавленного Савмаком, В. Ф. Гайдукевич сделал правильный вывод, указав на то, что «названные города были главным средоточием рабов, эксплуатируемых в промышленных эргастериях, во флоте и т. д. Поэтому активное участие рабов в восстании вряд ли подлежит сомнению» (ук. соч., стр. 304). Поднять же рабов Феодосии и Пантикапея на восстание было легче скифским рабам, нежели представителям скифской знати, которая в эту эпоху срослась весьма прочно с греческим рабовладельческим классом Боспорского царства².

О том, что Савмак опирался на движение рабов, говорит также остроумное предположение В. Ф. Гайдукевича, обратившего внимание на изображение головы Гелиоса на монетах, выпущенных Савмаком, «что, возможно, являлось отражением той же идеи «солнечного царства», создание которого незадолго до того пытался осуществить Аристоник в Пергаме» (ук. соч., стр. 304). Что скифы, возглавленные Савмаком, были рабами, а не свободными людьми, говорит, по моему мнению, и то, что их «вскормил», а не «воспитал» (παίδευσαντα) Перисад, царь Боспора³.

В целях устранения последнего сомнения в рабском положении скифов, восставших против последнего Перисада под руководством Савмака, я остановлюсь на доводе М. И. Ростовцева, которым последний пытался опровергнуть тезис С. А. Жебелева о принадлежности Савмака к челяди царя Боспора. По мнению М. И. Ростовцева, Савмак не мог быть представителем несвободного населения, ибо в подобном случае декрет в честь Диофанта не отметил бы этого обстоятельства в такой завуалированной форме, а прямо назвал бы Савмака рабом.

Данный довод мне не представляется в какой-либо степени убедитель-

¹ Это предположение высказал М. И. Ростовцев в своей критике работы С. А. Жебелева (см. прим. 1 на стр. 26): он был готов видеть в Савмаке заложника Перисада.

² В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 258 и 275—276.

³ На этот довод обратила внимание А. И. Болтунова, О значении глагола «παίδευσεν» в языке надписей Причерноморья, см. IOSPE, 1², № 42, 11—13.

ным, поскольку название Савмака рабом еще не давало его исчерпывающую характеристику. Дело в том, что раб мог попасть в рабовладельческое хозяйство извне, путем купли, пленения на войне и т. д., или же изнутри, путем вскармливания раба-ребенка. Рабы вскормленные отличали себя от рабов купленных; вспомним хотя бы ответ пастуха в «Эдипе-царе» Софокла на вопрос Эдипа, был ли он рабом царя Лайя: «Я был рабом не купленным, но в доме возвращенным» (стк. 1123). Челядь, вскормленная рабовладельцем, считалась наиболее преданной своему хозяину, и поэтому смерть последнего от руки им же вскормленных рабов была в глазах античного рабовладельца таким же противоестественным событием, как покушение на жизнь человека со стороны им же вскормленных собак. Херсонесский составитель декрета в честь Диофанта хотел, несомненно, своим указанием на смерть Перисада от руки вскормленных им скифов подчеркнуть «врожденное последним вероломство». О «коварстве» скифов говорит составитель декрета еще раньше, в строках 15—16: «Когда же скифы обнаружили врожденное им вероломство и отпали от царя Митрадата» и т. д. Жгучей ненавистью к скифам, угрожавшим независимости Херсонеса, и объясняется та форма, в которой составитель декрета определил рабское состояние скифов, возглавленных Савмаком. Таким образом, вопрос о классовом положении восставших уже больше сомнений вызывать не может. У методического исследователя может возникнуть лишь вопрос о том, был ли и Савмак сам, возглавлявший этих скифов-рабов, также рабом, но заслужившим по каким-либо причинам особое доверие царя Перисада и выдвинутым поэтому в качестве надзирателя над своими товарищами. Сомнение подобного рода может быть вызвано близостью конечной судьбы Аристоника, вождя мятежных рабов в Пергаме, и Савмака, руководителя восстания рабов на Боспоре. Аристонику, будучи захвачен живым после поражения своего, не был казнен на месте, а был послан в Рим¹. Аналогичная участь постигла и Савмака. Диофант, захватив его, убийцу царя Перисада, не казнил его, а отослал в царство Митрадата (стк. 43 надписи). Поскольку Аристонику сам не был рабом, а был побочным сыном царя Пергама Евмена II, то можно было бы предположить, что он избежал немедленной казни лишь потому, что был свободным человеком, а не рабом. В таком случае приобрело бы большую вероятность и предположение, что Савмак был также свободным, а не рабом. Но мы знаем, что и Евн, вождь первого сицилийского восстания рабов, объявивший себя царем, не был казнен немедленно после своего пленения, хотя и был заведомо рабом; он, как известно, был брошен в тюрьму, где и умер². Поэтому я и полагаю, что причиной отсрочки казни Аристоника, Савмака и Евна было то обстоятельство, что они были царями, хотя бы и царями над несвободными людьми. Тем самым факт отсрочки казни Савмака перестает быть решающим аргументом в пользу предположения о том, что Савмак был свободным человеком, а не рабом.

Данное предположение становится еще более невероятным, если мы примем во внимание, что Савмак был теснейшим образом связан с окружающей его группой скифов, о чем свидетельствует сопоставление строк 34—35 и 42—43 декрета. Действительно, в строках 34—35 сообщается, что «скифы, возглавленные Савмаком, подняли восстание и убили вскормившего их боспорского царя Перисада», а из строк 42—43 мы узнаем, что убийцей был Савмак: «Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство (Митрадата)». В ольвийском

¹ См. Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, М., 1947, стр. 215; С. И. К о в а л е в, История Рима, Л., 1948, стр. 345—346.

² См. Н. А. М а ш к и н, ук. соч., стр. 209; С. И. К о в а л е в, ук. соч., стр. 343.

декрете в честь Протогена, в рассказе о том, как сдавалось на откуп снаряжение посольства в резиденцию царя Саитафарна, мы встречаемся с обратным явлением. Здесь сначала взятие на откуп представляется как единоличное действие некоего Конона, а в дальнейшем отказ от этого откупа описывается уже как совместное действие целого коллектива. «Взял на откуп Конон, но, вследствие того, что архонты не могли заплатить эти деньги, которые были у откупщиков податей, еще не внесших их в государственное казначейство, (Конон и его товарищи) отказались (*διαλυσσμένων*) от откупа»¹.

Подобная замена единоличного действия главы какого-нибудь коллектива совместным действием этого коллектива или же обратная замена могли иметь место лишь в том случае, если глава коллектива и сам коллектив пребывали на одинаковом социальном уровне. Если же Савмак и его скифы, как Конон и его товарищи, в социальном отношении качественно не отличались друг от друга, то, стало быть, Савмак не мог быть не кем иным, как рабом. Он так же, как и скифы, которых он возглавлял, был вскормлен Перисадом, царем Боспора. На этом выводе, казалось бы, я мог бы закончить мое исследование, посвященное проблеме социальной характеристики Савмака и его мятежных скифов. Но, стремясь с максимальной полнотой осветить проблему, впервые поставленную С. А. Жебелевым, я попытаюсь доказать, что и при учете основного аргумента проф. Коцевалова — указания на активную форму *ἐκτρέψαντα* — остается по существу в силе основной вывод автора исследования «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре». Он остается в силе уже потому, что вся вышеприведенная аргументация доказывает рабское положение как скифов, окружавших Савмака, так и самого Савмака. Если же декрет в честь Диофанта отмечает, что царь Перисад «их вскормил», а не «их вскормил для себя», то из этого следует, при учете указания проф. Коцевалова, что скифы, возглавленные Савмаком, не были домашними рабами царя Перисада в узком смысле этого слова. Спартокиды могли, несомненно, до некоторой степени различать свое личное хозяйство от государственного, поскольку они именовали себя еще в IV в. до н. э. «архонтами Боспора и Феодосии» и «царями» всех входивших в их государство варварских племен. Называя себя архонтами греческих городов своего царства, Спартокиды подчеркивали тем самым, что они являлись здесь, по крайней мере формально, лишь высшим правительственным лицом. Правда, в IV в. до н. э. этот двойной титул исчезает, но, конечно, какое-то отличие и тогда в управлении греческими городами, с одной стороны, и варварскими племенами, с другой, оставалось. Поэтому можно предположить, что Перисад, вскормив возглавленных Савмаком скифов не «для себя», вскормил их для нужд правительственного аппарата, ведавшего делами греческих городов Боспорского царства. Вспомним, что Афинское государство после мира с персами, заключенного Кимоном, купило 300 скифов-лучников, которые использовались в качестве полиции (SC, ВДИ, 1947, № 2, стр. 321). Перисад поэтому вскормил скифов, возглавленных Савмаком, не «для себя», подобно тому, как, согласно Плутарху (Brut., XII), Брут Альбин «кормил» (*ἐτρέφε*) не «для себя», а для цирковых игр множество гладиаторов. Скифы, вскормленные Перисадом, были, очевидно, до некоторой степени близки тем «царским рабам», которые входили в состав населения Иберии наряду со жрецами, воинами и земледельцами (Strabo, XI, III, 6).

Поэтому я полагаю, что скифы, вскормленные царем Перисадом, были

¹ IOSPE, 1², № 32 А, 48—52. Это место декрета в честь Протогена привлек в другой связи проф. Коцевалов в своей рецензии (ук. соч., стр. 112, прим. 22).

государственными рабами Боспорского царства, для уяснения положения которых надлежит остановиться на той роли, которую играло на Боспоре Киммерийском подвластное скифское население в целом. Боспорское царство «представляет своеобразное явление, не укладывающееся в рамки того представления, которое соединяется с понятием греческой колонии»¹.

Обращаясь к источникам, которыми мы располагаем для установления общественного строя Боспорского царства, мы находим здесь свидетельство о наличии земледельческого населения, которое жило вне городов в отдельных селениях. Об этом нам сообщает третий из эпизодов, рассказанный Полиэном о Левконе I (388—348 гг. до н. э.). Полиэн (VI, 9, 3) повествует о мерах, которые принял Левкон, когда узнал во время войны с Гераклеей Понтийской о подготовляемой измене со стороны триерархов. Он, с одной стороны, повелел триерархам оставить службу, но, с другой — «родственникам подозреваемых он вручил власть и управление селениями (κῶμαι), показывая тем самым благосклонность к ним» (SC, ВДИ, 1948, № 2, стр. 217). С помощью таких «комархов» правители Боспора, подобно другим эллинистическим царям, эксплуатировали подвластное им сельское население. Вместе с тем они, очевидно, давали и самим «комархам» право обогащаться за счет управляемых ими селений, и мы можем себе представить тяжелое положение коренного населения Боспорского государства, эксплуатируемого не только царем и господствующим классом, но также и чиновничьим аппаратом.

О людях, работавших на частной, а потом на храмовой земле, сообщает нам фанагорийская надпись от 151 г. н. э. (IOSPE, II, № 353). В последней Римиталк, царь Боспора, увековечил свое благочестивое благодеяние по отношению к богине Афродите Апатуре, а именно восстановление в прежнем объеме и числе посвященных богине неким Летодором участка земли и «пелатов». В словарях эллинистической и византийской эпох «пелаты» сопоставлялись с фетами (поденщиками) и шестидольщиками (арендаторами земли, сохранившими для себя одну шестую часть урожая)². Подобно пелатам фанагорийской надписи, пелаты, засвидетельствованные второй главой «Афинской политики» Аристотеля, обрабатывали землю: «бедные находились в порабощении не только сами, но также дети и жены. Назывались они пелатами потому, что на таких арендных условиях обрабатывали поля богачей»³. Пелатов знало афинское общество на рубеже V—IV вв. и среди клерухов острова Наксоса. Некоторые из них возделывали землю на положении фетов, как об этом сообщает Платон («Евтифрон», 4С.): «[Умерший] был одним из моих пелатов и, когда мы возделывали землю на Наксосу, он работал у нас как фет». Пелаты, следовательно, в это время приравнивались к низшему слою свободного населения Афинского государства. О тяжелом положении пелатов в Афинах древнейшего времени рассказывает Дионисий Галикарнасский в связи с изложением реформ Ромула. Он отождествил пелатов-афинян с пенестами фессалийцев и утверждал (AR, II, 9, 2), что «те (т. е. афиняне и фессалийцы) относились надменно к пелатам, поручая им непристойные для свободных работы, и, когда они не выполняли что-нибудь из того, что было приказано, они наносили им удары и другое, что применяется по отношению к купленным рабам. Называли же афиняне пелатов фетами

¹ С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН ООН, 1934, № 8, стр. 589.

² См. словари Полидевка (Юлия Поллукса), Гезихия и Фотия. Их свидетельства собраны в статье, посвященной термину «пелаты» в RE, XXXVII, стр. 261—264.

³ См. Аристотель, Афинская политика, перевод и примечания С. И. Радецига, 2-е изд., М., 1937, стр. 9.

сообразно с тяжелой работой, а фессалийцы, ругая их пенестами¹, раскрывают перед ними уже в названии их (тяжелую) участь». Поскольку пелаты афинян имели своих покровителей среди знати, то Дионисий Галикарнасский передавал латинский термин «клиенты», т. е. плебеи, выбравшие себе патрона среди патрициев, словом «пелаты»². С термином «пелаты» тесно связан термин *προσπελάται*³, каковым термином назывались порабощенные иллирийским племенем ардиеев фракийские племена нестов и малиев⁴.

В таком же состоянии порабощения оказались, очевидно, и оседлые скифские племена Керченского полуострова в результате появления здесь греческих поселенцев. Сохранилась традиция о враждебных действиях греческих колонистов по отношению к коренному населению полуострова. Так, Страбон (XI, II, 5) сообщает, что «Киммерийцев изгнали из страны скифы, а скифов — эллины, основавшие Пантикапей и прочие города на Боспоре». Подобную же традицию мы находим и в географическом словаре Стефана Византийского, свидетельствующего о том, что Пантикапей был взят у Агаэта, царя скифов. В Феодосии, наверное, имело место подобное же порабощение скифского населения, поскольку эта греческая колония, являлась «местом, лежащим близко к области скифов»⁵. Греческие поселенцы, подчинив себе оседлое скифское население, заставили их родовые общины выплачивать себе ту дань, которую оседлые скифские племена платили кочевникам. Скифы, подчиненные греческим городам Боспора, пребывали, наверное, в том же зависимом положении, в котором находилось малоазиатское племя мариандинов по отношению к греческой колонии Гераклея Понтийской. Мариандины, согласно свидетельству Афина (VI, 263), «доставляют гераклеотам все необходимое при условии, что никто из них не будет продан за пределы Гераклеи, но останется в пределах собственной страны»⁶. Названные мариандины были, следовательно, земледельческим населением, жили в селениях (*κῶμαι*) и, несомненно, были тождественны с теми малоазиатскими *λαοί* эпиграфических⁷ и нарративных источников⁸, которые давали свою дань-ренту господствующему классу, будь он туземного или иноземного (персы, греки) происхождения. Для греков они были рабами, и поэтому греческие историки называли их также *σώματα* («тела») (Strabo, XII, 2, 59; Plut., Eum., 8) или *ἀνδράποδα* («человеконогие») (Xen., Anab., VII, 8, 13), т. е. рабами. «Рабами» для господствующего класса Боспорского государства и было то скифское оседлое население Керченского полуострова, которое сидело в своих селениях и своим земледельческим трудом кормило рабовладельцев Пантикапея и Феодосии.

¹ Во времена Дионисия Галикарнасского слово «пенест» стало обозначать «бедняк». «нищий».

² Dio. Hal., I, 9, 3; ср. IX, 23, где сопоставляется родство Фабиев и их «пелатикон» (пелатство). Плутарх (Rom., XIII) указывает прямо, что «клиенты» соответствуют «пелатам».

³ Этот термин встречаем у Афина (X, 443 в.). Тесная связь его с термином «пелат» доказывается схолей к вышеприведенному месту из платоновского «Евтифрона», 4 С. Здесь работа пелата, которую он выполняет за прокормление, определяется глаголом *προσπελάζειν*.

⁴ См. С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИАН, ООИ, 1934, № 8, стр. 598.

⁵ См. словарь Валерия Гарпократиона под словом «Феодосия». Совсем неверно истолковал эту строку Брандис, RE, III, стр. 763.

⁶ См. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 149.

⁷ См. большую надпись из святилища Артемиды в Сардах конца IV в. до н. э., AJA, XVI (1912), стр. 11 сл.

⁸ Полибий, IV, 52, 7, в перечислении условий мирного договора Пруссия, царя Вифинии, с Византием, согласно которым первый обязуется возвратить без выкупа *λαοί* и военнопленных.

Если, правда, иной раз греки отличали положение несвободного населения, подобного λαοί Малой Азии, от положения подлинных рабов¹, то, несомненно, рабами в настоящем смысле слова было для рабовладельцев Боспора неземледельческое скифское население, сосредоточенное в городах и «вскармливаемое» частными лицами и царем, как представителем господствующего класса. О существовании в частновладельческом хозяйстве Боспора работников, не имевших собственного хозяйства, мы узнаем из речи Демосфена против некоего Лакрита (XXXV, 32)². Здесь говорится о грузе, который везли на судне, потерпевшем крушение, и о месте отправления и назначения этого груза: «Косское вино, т. е. 80 сосудов прокисшего вина, и соленая рыба перевозились из Пантикапея в Феодосию для какого-то земледельца, на продовольствие полевым рабочим (ἐργάται οἱ περὶ τὴν γεωργίαν)...» (ВДИ, 1947, № 3, стр. 238). Поскольку эти рабочие получали продовольствие, то, стало быть, это не могли быть «барщинники», которые кормились за счет своего собственного хозяйства, дававшего им необходимый для их личного воспроизводства продукт. Они, надо полагать, были рабами³.

Рабами, несомненно, было и скифское неземледельческое население, о котором нам сообщает 34-я строка декрета в честь Диофанта. Поскольку в царское хозяйство Боспора входило и государственное хозяйство, то число скифских рабов, которых «вскормил» царь Перисад, могло быть весьма значительным. Рабский труд ведь мог быть с таким же успехом использован в государственном хозяйстве, как и в частном. Поэтому еще в середине IV в. до н. э. возникла в Афинах мысль о приобретении самим городом большого количества рабов в целях повышения государственных доходов⁴. Применение труда государственных рабов могло быть самым разнообразным. Они могли быть использованы и для военных нужд. Так, из «вскормленных» царем скифских рабов, надо думать, отчасти рекрутировались те скифские стрелки, которым Спартокид Левкон I (388—348 гг. до н. э.) доверял больше, чем своим греческим наемникам⁵. «Вскормленные» царем скифские рабы входили, вероятно, и в состав того скифского войска, с которым царь Сатир II (310—309 гг. до н. э.) победил восставшего против него младшего брата Евмела⁶. «Вскормлены» царем были и те рабы, которые по приказу того же самого Сатира II убивали мышей, угрожавших, согласно прорицанию, его жизни⁷. Государственные рабы могли быть использованы и на каменоломнях, и на строительных работах, и на кораблях военного флота в качестве гребцов и т. д. Они были организованы, судя по свидетельству нашей надписи, в отряды: «скифы, возглавленные Савмаком». Подобная организация, а также и то обстоятельство, что они пребывали в городах, делало их более опасными для спокойствия государства, нежели скифское земледельческое население. Они

¹ Так, «Ономастикон» Поллукса (III, 83) указывает на то, что «среднее положение между свободными и рабами занимают ланедемонские илоты, фессалийские пенесты, критские клароты и мноиты, мариандины» и т. д.

² См. С. А. Жебелев, ИАН, ООИ, 1934, № 8, стр. 597.

³ См. В. В. Струве, СЭ, 1940, № 3, стр. 18.

⁴ См. псевдоксенофонтovo сочинение Πόροι ἢ περὶ προσόδων, гл. 4.

⁵ См. четвертый рассказ Полиэна (VI, 9) о Левконе I. Здесь повествуется о том, что царь для противодействия высадке врагов «поставил впереди гоплитов, а позади их — скифов и во всеуслышание приказал последним в случае, если гоплиты будут действовать вяло и дозволит врагам высадиться, стрелять в них и убивать». Я следую переводу, данному в ВДИ, 1948, № 2, стр. 217.

⁶ См. Дидор, XX, 22. Эту остроумную догадку на основании текста Диодора высказал В. Ф. Гайдукевич во время обсуждения моего доклада о декрете в честь Диофанта на заседании, посвященном памяти С. А. Жебелева в январе с. г. в ЛОИИ.

⁷ Дидор, XX, гл. 26, 1: «постоянно приказывал мышей убивать отрокам (παῖσιν)», т. е. рабам.

могли быстро мобилизоваться и захватить врасплох своего классового врага. Опасность со стороны этих скифов, «вскормленных» царем, усугублялась еще и тем, что они были в этническом отношении однородны и вместе с тем принадлежали к народу, который до побед Диофанта считался «непобедимым»¹. Недаром Аристотель указывает на то, что государственные рабы «не должны быть все соплеменниками и не должны быть горячего нрава, потому что при соблюдении этих условий они оказались бы полезными для работы и нечего было бы опасаться, чтобы они подняли восстание»².

Восстание скифских неземледельческих рабов являлось тем более грозным событием для государства Перисада, что они, раз восставши, могли найти себе опору в лице других рабов, которые находились, как уже выше было сказано, в большем количестве в Пантикапее и Феодосии (см. выше, стр. 33). Здесь лишь надлежит указать на то, что в больших приморских городах Боспора имелось также большое количество рабов, предназначенных для вывоза. О массе рабов, вывозимых из понтийских стран, сообщает нам такой точный источник, как Полибий³. О том же говорят надписи эллинистической эпохи с именами рабов прибоспорского происхождения. Из свидетельства Полибия и эллинистического эпиграфического материала Б. Н. Граков сделал весьма правдоподобное предположение о том, что цари Боспора эллинистической эпохи стремились найти выход из кризиса хлебной торговли путем усиленного вывоза рабов из представителей соседних племен⁴. Предназначенные для средиземноморского рынка, но еще не вывезенные рабы являлись, конечно, желанными союзниками для скифов, восставших под руководством Савмака. В дальнейшем последние нашли себе союзников и в лице скифского земледельческого населения. Возможно, что Савмак пытался провести его освобождение, следуя примеру Клеарха, ученика Платона и Исократа, который в 363 г. до н. э., сделавшись тираном в Геракле Понтийской, освободил мариандинов⁵. Надо думать, что Савмак свою реформу, если она действительно имела место, начал проводить в Феодосии. Дело в том, что Феодосию и Гераклею Понтийскую связывали давнишние взаимоотношения еще с того времени, когда последняя помогала Феодосии при первых Спартокидах отстаивать свою самостоятельность от Боспорского царства⁶. Поэтому вполне возможно, что мятежники в Феодосии пошли по пути, проторенному для них переворотом 363 г. до н. э. в Геракле Понтийской. Следует в данном случае принять во внимание и то, что Феодосия была ближе, нежели Пантикапей, к скифскому племенному союзу, создавшемуся на территории, примыкающей к Боспорскому царству. Поэтому воздействие последнего ощущалось сильнее в пограничной Феодосии. Внебоспорские скифские племена были, наверное, в какой-то мере связаны

¹ Это признается и в декрете в честь Диофанта: «Когда же скифский царь Палак внезапно напал (на Диофанта) с большою толпою, он (Диофант), поневоле приняв битву, обратился в бегство скифов, считавшихся непобедимыми, и (таким образом) сделал то, что царь Митрадат Евпатор первый поставил над ними трофей» (стк. 7—9).

² «Политика», VII, 9, 59. Надлежит отметить, что Аристотель, говоря о «восстании» государственных рабов, употребляет тот же глагол *νεωτερίζειν*, который употреблен и в декрете в честь Диофанта по отношению к восстанию скифов, «вскормленных» царем Перисадом. Этот момент — также лишний довод в пользу того, что последние были государственными рабами.

³ IV, 38, 4—5: «Так, прилегающие к Понту страны доставляют нам из предметов необходимости скот и огромное множество рабов, бесспорно превосходнейших».

⁴ Эти надписи собраны в работе Б. Н. Гракова, Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 231—315, под №№ 108—119, (см. стр. 234).

⁵ *Diod.*, XV, 81, 5 и *Iust.*, XVI, 4, 1; 5, 2.

⁶ В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 58.

с восстанием скифских рабов, руководимых Савмаком. Намек на это я нахожу в строках 30—31 декрета. Согласно свидетельству надписи, Диофант после разгрома скифов Палака и союзных с ним роксолан двинулся на скифские укрепленные поселения Хавеи и Неаполь со всем тяжелым войском и часть скифов заставил бежать, а «остальных скифов принудил совещаться о своем положении». Результатом этого совещания и были происки их на территории Боспорского царства, которое они стремились поставить в большую зависимость от себя. Этому предположению отнюдь не противоречит тот факт, что царю скифов Палаку были нанесены Диофантом только что тягчайшие поражения, ибо «скифское объединение», согласно правильному определению М. И. Артамонова, «отнюдь не следует себе представлять в виде обширного могущественного государства. Это был непрочный, изменчивый в своем составе союз племен с множеством династов и вождей и с близким к номинальному преобладанию одного из них над другими»¹. Поэтому скифские племена восточного Крыма, не в такой степени пострадавшие от сокрушительных побед Диофанта над западными племенами, могли проявлять агрессию по отношению к Боспорскому царству. О ней свидетельствует Страбо́н (VII, 4, 4), когда он повествует, что Перисад, «будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митрадату Евпатору». Тогда внебоспорские скифские племена нашли орудие мести в лице Савмака, руководившего частью скифского населения Боспора, т. е. рабов, которые и нанесли мощный удар общественному строю государства последнего Перисада.

Таким образом, предложенная С. А. Жебелевым в 1933 г. интерпретация восстания Савмака, покоящаяся на положении товарища Сталина об освободительных движениях рабов и глубококом изучении источника, выдержала испытание временем. «Восстание скифских рабов на Боспоре, имевшее место в последнее десятилетие II в., было одним из звеньев той длинной цепи рабских восстаний, которые вспыхивали в последней трети II в. и были иногда очень грозными. Причина всех рабских восстаний повсеместно была одна и та же: та система рабовладельческого хозяйства, при которой земельные собственники выжимали из своих рабов все соки. Во всю эту серию рабских восстаний прекрасно входит и восстание скифских рабов на Боспоре» (ВДИ, 1938, № 3, стр. 69—70). Этот вывод С. А. Жебелева остается в полной силе.

Поэтому до конца правильным было следующее утверждение Б. Д. Грекова в его оценке значения работы академика Жебелева для истории нашей страны: «Уменьше видеть то, чего не видел никто до С. А. Жебелева, объясняется тем, что С. А. Жебелев подходил к документу, вооруженный теорией. Он ясно представлял структуру Боспорского общества как общества рабовладельческого и в процессе работы над источником исходил из этого положения» (ВДИ, 1940 № 1, стр. 173—174). Поэтому я имею право закончить мою настоящую работу заключительными словами второго издания названного исследования С. А. Жебелева: «Для нас же восстание скифских рабов на Боспоре представляет особенный интерес, как первое революционное восстание угнетенных против их угнетателей в античных колониях на территории СССР» (ВДИ, 1938, № 3, стр. 71).

¹ М. И. Артамонов, Вопросы истории скифов в советской науке, ВДИ, 1947, № 3, стр. 72.